

HELGA AUMERE

ANNA ERSTON-
NIMI EESTI KULTUURIS

H E L G A A U M E R E

ANNA ERSTON-
NIMI EESTI KULTUURIS

EESTI TEATRILIIT
2004

Хельга Аумере

Анна Экстон – имя в эстонской культуре

(Эст. театр. О-во, 2004)

Перевод с эстонского Инны Теплицкой

Первая часть

Анна Экстон рассказывает о себе

Глава 1. О семье, школьных годах и учебе в балетной студии Евгении Литвиновой

Я отношусь к четвертому поколению таллиннских Эпштейнов. Мой дедушка родился здесь в 1854 г., и он стал купцом второй гильдии. Его отец поселился в Таллинне в 1822 г., он был из тех первых еврейских семей, кто получил разрешение жить в Эстонии. Очевидно, этому способствовало то, что он служил в российской армии при царе Николае I.¹ Тогда служба в армии была необычайно долгой – 25 лет!

Моя мама Минна была из семьи Левиновичей. Ее отец, овдовев, приехал жить в Таллинн из Кенигсберга с двумя сыновьями, здесь он встретился с моей будущей бабушкой Анной, тоже вдовой с тремя дочерьми, вместе они имели еще пять детей. Дедушка всем сыновьям дал высшее образование.

Я родилась в Тарту 4 сентября 1908 г., по новому календарю – 17 сентября. Мой отец Моисей учился медицине в Тартуском университете, мать брала уроки пения у Артура Вульфуса и мечтала о дальнейшей учебе в Дрездене. Я перечеркнула эту мечту. Родилась я в день именин Веры, Надежды и Любви, что было праздником для многих, но не для меня, потому что в честь бабушки меня назвали Анной. Сначала я была несчастной из-за того, что это имя мне казалось некрасивым. Потом я поняла, что в эстонском языке этот глагол означает хорошее – давать, быть полезной окружающим. Я не знаю, способна ли я давать людям много или мало. На самом деле, отдавать – это оправдание жизни. Человек должен считать свое рождение большим счастьем и отплатить за это. Как дочь гинеколога я рано узнала, что рождение человека – еще не чудо, чудо – если он остается в живых, и за это надо заплатить.

¹ Николай I вззошел на престол в 1825 году, а указ об обязательной военной службе евреев вышел лишь в 1827 году. По всей вероятности прадед Анны Экстон поселился в Таллинне после 1827 года. (М.Р.)

По окончанию университета отец не имел права сразу работать врачом, надо было практиковать несколько лет в качестве ассистента врача. Поэтому вместе с родителями мы уехали в г.Кострому, где один из маминых братьев работал земским главным врачом. Мама наняла мне частного учителя – студента. Однажды я заболела. Чтобы не отсылать его домой, я попросила почитать мне вслух. Он сел на краешек кровати, в которой я лежала. Переворачивая страницы, он слюнил пальцы, что мне делать не разрешали. Мне было жаль, что он портит красивую книгу, выпростала ногу из-под одеяла и толкнула его. Мама меня отругала, а я обиделась, что должна попросить у него прощения за то, что он портит книгу.

В Костроме мы жили в меблированной комнате. У хозяйки была красивая лакированная черная, инкрустированная золотом, мебель, такие же шкатулки и другие вещички. Я часто хотела ими полюбоваться и искала причины, чтобы лишний раз заглянуть к хозяйке. Однажды я постучалась к ней и сказала, что мама приглашает ее к нам вечером в гости. Но именно в этот вечер мама намеревалась идти в театр с моей тетей. Хозяйка появилась до их ухода и рассказала о переданном мной приглашении. Поход в театр пришлось отменить. Одной из черт моего характера было хулиганство.

Мы вернулись из Костромы в 1915 г., мне было тогда 7 лет. Мы поселились в доме дедушки-купца в Таллинне на бульваре Эстония. Дом был на углу этого бульвара и ул. Тарту маантээ. Позднее на этом месте построили здание Эстонэнерго, а тогда дом узнавали по магазину Х.Рыйваса – на первом этаже помещалось его царство готовой одежды.

Когда я была маленькой, я чувствовала себя несчастной, что родилась девочкой, т.к. считала, что женщины заняты скучными делами. Они были домохозяйками, продавщицами, медицинскими сестрами, фармацевтами. Я бы хотела стать моряком или кучером. Перед нашим домом как раз была стоянка извозчиков. Как здорово было бы прокатиться бесплатно – столько, сколько захочется. Особенно зимой на санях, да с колокольчиками! Хотела также быть дирижером. В то время был молодым, но уже знаменитым Вилли Ферреро. (Итальянский дирижер Вилли Ферреро родился в 1906 г., выступал в России ребенком в 1913 г., а затем в 1936 и 1952 гг.). На фотоснимках он был в коротких штанишках, на шее – кружевной воротник и с длинными локонами. Когда взрослые уходили из дома, я взбиралась на стул и начинала петь и дирижировать. Наша собака при этом принималась подурному выть. Ей не нравился мой голос. Я ее понимала....

С музыкой я соприкасалась тесно. В среде врачей было принято домашнее музицирование. Мама играла на пианино и пела, папа пикивал на скрипке, бабушка была вторым сопрано, дедушка Эри Класа – зубной врач, играл на виолончели. Мама любила петь арии из классических опер, балладу Сенты из «Летучего голландца» Р.Вагнера, а также романсы Чайковского, Рахманинова, Глиэра. Вместе с бабушкой они исполняли знаменитый дуэт из «Пиковой дамы» Чайковского. Самой профессиональной из всей этой компании была моя мама. Она пела в хоре церкви Олевисте, где дирижером был А.Блуменфельд. Однажды на большом

4-aastane Anja Epstein (1912).

концерте она даже пела партию сопрано из Моцартовского «Реквиема», вложив в него свою душу. Она подружилась с женой Михкеля Людига – Матильдой Людиг – Синкель. Однажды к нам приходил в гости Раймунд Кулл.

Благодаря родителям я полюбила музыку и рано начала ходить на симфонические концерты. У меня была хорошая память, я могла дома спеть большие отрывки из прослушанных симфоний. Но учиться игре на пианино я не хотела. Две мамины сестры играли хорошо, но моей первой учительницей стала одна тетя, которую вырастил мой дедушка. Папа таким образом сэкономил деньги, потому что эта тетя из чувства благодарности учила меня бесплатно. Уроки ее были невыносимо скучными. Мы чаще всего играли в четыре руки, она – на высоких нотах, я – на басах. При этом она считала по-немецки «раз, два, три». Когда она произносила "Два" – «цвей», каждый раз ее верхняя искусственная челюсть готова была выпасть изо рта, брызги ее слюны попадали при этом в мое лицо. Я сообщила маме, что на уроки больше ходить не буду. Нашли другую учительницу по фамилии Клас-Гласс, сестру отца Эри Класа. В их доме пианино стояло в гостиной. Я играла, она мне замечаний почти не делала, сидела за моей спиной на диване. Однажды рядом с ней сидел будущий муж Зоси (Софии). Я оглянулась. Они целовались! Опять я дома подняла мятеж, и на этом моя пианинная эпопея закончилась.

Когда мы переехали в Таллинн, я начала очень много читать, потому что у дедушки была большая библиотека. Чтение в дальнейшем стало моей страстью. Конечно, я читала книги для взрослых. Прочитала всего Дюма, особенно мне нравились «Рождественские повести» Диккенса. Жюль Верна я не любила, Шиллер и Гете меня не интересовали, но Ф.Смил так понравился, что выписала для себя его правила жизни. Сколько удавалось доставать, читала биографии художников мира. Когда мужу маминой сестры посчастливилось купить два ящика черно-белых фотографий картин из Лувра, радость была велика. Это возбудило во мне интерес к живописи.

Книги я читала в основном на русском языке, но еще ребенком умела читать и на французском. Дедушка послал двух своих дочерей изучать французский язык в Сорбонну. Благодаря одной из них я и овладела этим языком. Меня отдали учиться в немецкую школу на ул.Вене, сейчас там шахматная школа. Вскоре я поссорилась с длинноносой немецкой девочкой, которая начала приставать к еврейской девочке, учившейся в моем классе. Я за нее заступилась. Однажды я назвала немку вонючкой (она ею была). Дома сказала, что в школу больше не пойду, и не пошла. Я сообщила маме, что буду продолжать учебу, если мне возьмут частного учителя. Вероника Смирнова подготовила меня за зиму так отлично, что в 1923 г. после экзаменов меня определили сразу в 3-й класс, то есть за год я прошла программу двух классов. Это была частная гимназия Вероники Смирновой – Таллиннская русская общегуманитарная гимназия. Утром здесь учились русские, а вечером состав учеников был интернациональным, школу посещали эстонцы, латыши, поляки и др. Изучение эстонского и немецкого языков и латыни было обязательным. Учителя были хорошие. Латынь преподавал Иван Столейков,

лучший латинист в стране. Благодаря знанию латинского языка я позднее без труда овладела итальянским. Математика меня не интересовала принципиально, я не хотела ее знать, честно признаться, я ее и не понимала. Опасно частыми стали двойки. Но учительница Зинаида Федоровна была необычайно умной женщиной. Примерно, в 7 классе я ей сказала, что в дальнейшем никогда с математикой дела иметь не буду, поэтому попросила ее не вызывать меня больше к доске и разрешить мне списывать контрольные работы у Хильды Пракс. К доске она меня, действительно, никогда не вызывала, а в свидетельстве стояла отметка «3».

Желание любой ценой стать самостоятельной у меня появилось рано, т.к. дома я видела, как трудно было маме, когда папа не давал ей достаточно денег на хозяйство. Именно потому, что я не хотела просить денег у мамы, я начала давать уроки своим двоюродным братьям. Сергея и Бориса Левиных я научила читать и писать. За урок мне платили по 1 копейке. Когда собиралось 5 копеек, я покупала себе шоколадку.

По твердому убеждению папы, я должна была после окончания гимназии ехать в Берлин и учиться на зубного врача. Я знала, что, когда наступит время, я буду с ним спорить. Когда мне было 9 лет, я спросила у одного молодого человека, дальнего родственника, считает ли он меня умной или дурой. Сказал, что ум у меня выше среднего. Я возвращалась от него как на крыльях и все время шептала «выше среднего, выше среднего». Это вдохновляло меня в дальнейшем.

В 11-12 лет я начала вести дневник, т.к. у меня была большая потребность в самовыражении. Во время войны дневник потерялся. Мои сверстники были мне чужими, домашняя атмосфера – тяжелой. Я напоминала собой котел, крышку которого надо было поднимать, чтобы выпустить лишний пар. Я чувствовала себя одинокой. С мальчиками я находила большой контакт, с ними «философствовала», чувствовала себя среди них равной. Обычно 6-7 мальчиков провожали меня из школы домой и несли мои книги, были как пажи. Относились они ко мне уважительно.

Я благодарна родителям, что меня оставили в покое и не воспитывали. Так развилась моя воля, и я твердо решила никогда ни от кого не зависеть, жить не легкой, а достойной жизнью, заниматься интересной работой, той, которая мне по душе. Это стало главным принципом моей жизни, и я к этому пришла сама. В школьные годы я часто одна совершала прогулки из дома по бульвару до театра «Эстония» и обратно, пыталась для себя выяснить, кто я такая. Это меня мучило и интересовало всю жизнь, а ответа не знаю и сейчас.

Моя двоюродная сестра училась в балетной студии Евгении Литвиновой и, может быть, ее пример привел меня к мысли, что если буду учиться танцевать, быстрее обрету самостоятельность. Для семьи это решение было подобно бомбе, т.к. на танцовщиц тогда смотрели как на проституток. Особенно категорически против была бабушка, которая сказала, что в нашей семье таких легкомысленных людей быть не должно! А я хотела учиться танцевать, и мне было все равно, что обо мне

Anja Epstein (paremal) esinemas E. Litvinova balletistuudios tirooli tantsuga.
Neiu partiis Katja Sadovskaja (1923).

думали. Я и так была в семье белой вороной. Мне было жаль только маму, ее ждали новые заботы, чтобы сэкономить деньги на оплату уроков. Папе я вынуждена была врать, что уроки стоят значительно меньше, чем на самом деле. Папа же был ужасно экономный и не хотел тратить деньги на уроки танцев. Е.Литвинова же не испытывала экономических трудностей, т.к. у нее было много учеников, главным образом, из богатых семей. Часто, когда я задерживалась с оплатой за уроки, жадная до денег мать учительницы спрашивала, когда я принесу плату. Мне было очень неприятно. Отношение к ученицам зависело от их денежного мешка. Меня учительница стала замечать только через несколько лет, когда я добилась больших успехов. Я была усердной ученицей, Литвинова за мою работоспособность приводила меня в пример другим.

Она была хорошей учительницей, хотя и с ограниченным общим кругозором. Она нас научила хорошей технике танца, особенно для ног. Высокая, грациозная, красивая, хоть и курносая, она имела необыкновенно маленькие ноги, носила обувь 33-го размера. Я удивлялась, как ей удавалось стоять на ногах. У нее сохранилось много красивых нарядов еще со времен, когда она танцевала в театре.

В соответствии с возможностями каждого, учеников делили на группы, которые перетасовывались в зависимости от дальнейших достижений каждого. У учительницы было несколько квартир, она часто переезжала. Я начала учебу в Кадриорге на ул.Койдула, затем занималась на Олевимяги, на Рауа. На ул.Лай был очень большой зал. Уроки проходили 3 раза в неделю. Занятия классическим танцем всегда начинались у станка. Ноги разогревали с помощью упражнений, исполняемых в разных темпах. Упражнения у станка были как гаммы у пианистов. Затем следовали адажио. За перила не держались. Адажио становились все труднее. Под конец исполняли аллегро, уйму прыжков. Большие прыжки не делали из-за тесноты, прыгали на месте. Содержание упражнений зависит от фантазии и таланта преподавателя, от умения передать ученикам свой замысел. Только если учитель сам умеет делать упражнение, он может научить этому учеников. Непрофессионалы не способны передать свои умения другим. И еще – надо быть психологом.

Ученические вечера Литвинова устраивала часто. Для них она ставила очень много танцев на мотивы классической музыки. Мы танцевали под музыку Чайковского, Грига, Сибелиуса, Бородина, Глазунова и др. Богатым ученикам родители делали костюмы за свой счет, бедным же, и к ним относилась я, учительница отдавала свои старые костюмы на переделку. Отчетливо помню выступление в Таллиннском Немецком театре (ныне – Эстонский Драматический театр). Исполняли китайский танец из балета Чайковского «Щелкунчик» с Лириан Лооринг, она – партию девочки, я – мальчика.

С Литвиновой мы много разъезжали. Запомнилось выступление в Рижском оперном театре, т.к. там мне впервые предложили платную работу. Не захотела. В 1923 г. мы выступали с большой программой в Стокгольмском Оскартеатре. Мы исполняли одноактный балет Р.Дриго и много сольных номеров. Критика нас очень хвалила, назвав наше выступление триумфом. Лириан Лооринг и мне предложили

работать у них с месячной оплатой в 300 крон, тогда это были большие деньги. Несмотря на нашу бедность, мы отказались. К сожалению, я должна сказать, что Литвинова была очень скупая. Она неплохо на нас зарабатывала, но в Стокгольме мы жили где-то на окраине в общежитии, кормили нас плохо и денег выдали так мало, что не хватило даже на покупку сувенира в память о Швеции.

Думаю теперь, что я действительно хорошо тогда поработала, если 15-летней школьнице, которая училась танцевать всего 3 года, предложили оплачиваемую работу в театре. Не помню, по какой причине я тогда отказалась. Очевидно, считала естественным продолжать учиться как у Литвиновой, так и в гимназии. Так сначала оно и было до весны 1925 г., когда перст судьбы толкнул меня из Эстонской республики в Бельгийское королевство.